
Всероссийские и всесоюзные съезды духовных христиан-молокан в 1921—1929 гг.

Виктория Батченко

Congresses of Christians-Molokans, 1921—1929

Viktoriya Batchenko

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow

DOI

В начале 1920-х гг. молодое советское государство нуждалось в поддержке различных социальных групп для закрепления своих политических позиций и восстановления экономики, истощённой войнами и революцией. Введение нэпа, перестройка финансовой системы страны, утверждение однопартийности и начало великих строек сопровождались идеологической борьбой, включавшей, в частности, кампании по вскрытию святых мощей в 1918—1920 гг. и изъятию церковных ценностей в 1922 г. При этом антипатия к религии и Церкви не мешала большевикам ради достижения своих целей искать союзников среди приверженцев сектантских течений¹. Отношение к ним РСДРП сформулировала ещё в июле—августе 1903 г. «Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей, — говорилось в резолюции “О работе среди сектантов”, — II съезд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демократии»². Сектантские организации с присущими им негативным отношением к царизму, трудовой дисциплиной и бытовым аскетизмом, по мнению большевиков, отлично подходили для распространения коммунистических идей в народе. Их лояльность новому режиму после революции не вызывала сомнений, поскольку официальные представители сект открыто заявляли: «Ныне мы получили свободу вероисповеданий, и декретом Советской власти от 5 февраля 1918 года мы раскрепощены, не только мы, но и все сектанты. Над нами нет более уже господствующей церкви, нет церковных контролёров. Теперь перед властью все религии равны, а потому декрет об отделении церкви от государства мы приветствуем»³.

В начале 1920-х гг. в условиях гонения на православное духовенство деятельность нетрадиционных религиозных групп переживала подъём. 5 октября 1921 г. Народный комиссариат земледелия при участии Комиссии по заселению совхозов, свободных земель и бывших имений сектантами и старообрядцами опубликовал воззвание «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», согласно которому они могли «себя вполне спокойно обнаружить и

© 2019 г. В.С. Батченко

¹ Понятия «сектанты» и «вероисповедное течение» повсеместно использовались в официальных документах 1920—1930-х гг. при обозначении сообществ духовных христиан молокан.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. М., 1953.

С. 48.

³ Вестник духовных христиан-молокан. 1925. № 1—2.

твёрдо знать, что за их учение никто, никогда, никого не будет преследовать». Им также предлагалось принять активное участие в деле «устройства общин, артелей, коллективных хозяйств, коммун и поселиться в совхозах по особым договорам в качестве постоянно живущей государственной рабочей силы»⁴. Реэмиграция сектантов представлялась экономически выгодной, поскольку они приезжали со своим инвентарём, техникой, практиковали новые приёмы ведения сельского хозяйства. В отличие от других категорий иммигрантов, им разрешалось самим выбирать — вести ли хозяйство индивидуально, или создавать артели, кооперативы, коммуны⁵.

Вскоре большевики заговорили о блоке партии и религиозных движений, стали подписывать с сектантами декларации о лояльности и сотрудничестве, называя их колхозы образцовыми⁶. В 1922 г. Антирелигиозная комиссия ЦК ВКП(б) отнесла «старые» сектантские толки (включая и молокан, которые позиционировали себя как «наиболее обоснованную рационалистическую секту»⁷), к лояльным советской власти и не представляющим для неё никакой опасности⁸. В мае 1924 г. на XIII съезде РКП(б) председатель СНК СССР А.И. Рыков заявил: «Те сектантские течения, которые под духовным и религиозным соусом проводят революционные задачи и которые иногда близки к отрицанию частной собственности, нужно использовать всячески и целиком»⁹. В резолюции съезда «О работе в деревне» говорилось о приобщении сектантских общин к коллективному хозяйствованию в деревне для восстановления экономики страны¹⁰. Всего в 1920-е гг. было образовано около 300 подобных коллективов¹¹.

Многие возвращались в Россию, надеясь не только на выгоду и признание, но и на духовные перемены в обществе, находившемся в поиске новых нравственных идеалов¹². Но участие в нём требовало консолидации сил. Ещё 12 июня 1922 г. вышел декрет ВЦИК РСФСР «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений. О регистрации этих организаций»¹³, 10 августа того же года появилась инструкция «О выдаче разрешений на созыв съездов и собраний различных организаций, союзов и объединений»¹⁴, а 15 апреля 1923 г. — совместное постановление Наркоматов юстиции и внутренних дел РСФСР «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых»¹⁵. Религиозные общества приравнивались этими актами ко всем остальным союзам и объединениям, хотя в некоторых ситуациях их статус был ниже. Соответственно им предоставлялось и право проводить под контролем органов НКВД губернские и всероссийские

⁴ ГА РФ, ф. 1235, оп. 140, д. 751, л. 152—150 об.

⁵ Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция духовных христиан в Советскую Россию в 1920-е гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2009. № 3. С. 21.

⁶ Там же.

⁷ Вестник духовных христиан-молокан. 1928. № 10. С. 25—29.

⁸ РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 55, л. 161.

⁹ Вестник духовных христиан-молокан. 1925. № 1—2. С. 8.

¹⁰ КПСС в резолюциях... Ч. 2. С. 858.

¹¹ Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция... С. 18.

¹² Оленич Т.С. Религиозное сектантство в годы революции и советской власти // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. № 1. С. 30.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1922. № 40. Ст. 477.

¹⁴ Там же. № 49. Ст. 624.

¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1923. № 37. Ст. 384.

съезды. И уже в 1921 г. группа энтузиастов (преимущественно из владикавказских общин¹⁶) образовала Всероссийский союз духовных христиан-молокан¹⁷.

К этому времени в среде молокан болезненно ощущалось социальное и имущественное расслоение, ещё задолго до революции участились случаи пьянства, наблюдались конфликты между представителями разных поколений, между городскими и деревенскими жителями¹⁸. «Истинная вера» в каждой общине понималась по-своему, «старцы» и «прогрессисты» всё чаще расходились в мнениях: одни боялись появления «нового религиозного русла»¹⁹, другие, напротив, не скрывали стремления к переменам. Сказывалось и давнее соперничество с баптистами, которые активно занимались организацией кружков сектантской молодёжи («Бапсомолов») и собственных аналогов советских женотделов, а также направляли разъездные отряды платных миссионеров, перетягивавших к себе верующих.

I всероссийский съезд молокан состоялся в конце 1923 г. в Тамбове²¹. Его организация не встретила препятствий со стороны ОГПУ, он прошёл достаточно скромно, собрав небольшое количество представителей общин. Тем не менее начало было положено, и вскоре в ОГПУ поступило заявление с просьбой разрешить 15 июня 1924 г. созыв теперь уже всесоюзного II съезда в Самаре. На нём предполагалось избрать председателя и президиум Союза молокан СССР, урегулировать порядок поступления доходов и установить контроль за расходами²². С 10 по 17 сентября он заседал на базе совета Самарской общины, преобразовав объединение духовных христиан-молокан из всероссийского во всесоюзное²³. На съезд прибыли 86 делегатов из нескольких губерний (Тамбовской, Самарской, Саратовской, Омской, Оренбургской, Уфимской и др.)²⁴, избравшие председателем центрального совета признанного идеолога молоканства — Николая Фёдоровича Кудинова.

По своим взглядам он принадлежал к прогрессистам и ещё до революции выступал за централизацию общин, устранение разногласий в религиозном учении, повышение уровня образования проповедников и т.п. Отношение к его руководству, видимо, было неоднозначным, во всяком случае, судя по обзорам ОГПУ, и во второй половине 1920-х гг. молоканская среда оставалась расколотой на реакционное и «молодое» течения²⁵.

С 1925 г. на средства от пожертвований общин Кудинов начал издавать ежемесячный журнал «Вестник духовных христиан-молокан», где печатались материалы съездов, письма верующих, статьи о духовной жизни. Вплоть до введения запрета на выпуск религиозной литературы в 1929 г. «Вестник» являлся единственным центральным печатным органом молокан. Кроме того, Кудинов и члены президиума центрального совета (А.А. Устинов, В.И. Кругов, Я.Н. Степанов и др.) поддерживали непосредственную связь с общинами, в

¹⁶ Буянов Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX — первой трети XX вв. Благовещенск, 2013. С. 309.

¹⁷ Вестник духовных христиан-молокан. 1927. № 9. С. 6.

¹⁸ Буянов Е.В. Духовные христиане молокане... С. 299—308.

¹⁹ Вестник духовных христиан-молокан. 1927. № 9. С. 4.

²⁰ О бапсомолах и христомолах подробнее см.: Coleman H.J. Russian Baptists and spiritual revolution, 1905—1929. Bloomington; Indianapolis, 2005. P. 198—208.

²¹ Молокане проводили съезды и раньше, но после революции начали их новый отсчёт.

²² ГА РФ, ф. 393, оп. 43а, д. 61, л. 3—5, 25.

²³ Вестник духовных христиан-молокан. 1927. № 9. С. 6.

²⁴ Там же. 1925. № 1—2.

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 183, л. 9.

частности, лично участвовали в работе районных и губернских съездов, что позволяло устранять возникавшее недоверие.

На II съезде впервые обсуждался вопрос о воинской службе молокан. 4 января 1919 г. большевики, желая привлечь к себе сектантов и учитывая, что многим из них верование не позволяет брать в руки оружие, декретом СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» разрешили заменять им призыв в армию санитарной или иной общепользуемой работой²⁶. Но к середине 1920-х гг. численность сектантских общин возросла, а рабочие и крестьяне всё чаще присоединялись к ним ради уклонения от исполнения воинского долга²⁷.

Любопытно, что молокане не осуждали вступление в ряды Красной армии. II съезд постановил только: «Каждому члену духовного христианства, который по своим религиозным убеждениям признаёт совместимым с его совестью службу в армии и ношение оружия, не препятствовать к выполнению таковой; те же лица, кои по своим религиозным убеждениям и личной совести не могут носить оружия и служить в армии, могут воспользоваться существующими по сему вопросу законами»²⁸. Бытовавшие среди сектантов в начале 1920-х гг. антимилитаристские взгляды уже к 1925 г., судя по ежемесячным обзорам ОГПУ, заметно ослабели, но вопрос о «службе с оружием в руках» оставался принципиальным и воспринимался подчас крайне остро²⁹. Во всяком случае, и на III всесоюзном съезде молокан, проходившем в Самаре с 10 по 17 февраля 1926 г., 77 делегатов не смогли ответить на вопрос: «Нужно или не нужно защищать Советское государство с оружием в руках?». После жарких споров, подтвердив прежнее постановление, они перенесли дискуссию на IV съезд. При этом отмечалось, что «фактически вопрос этот на местах нашим братством решается в положительном смысле, молодые люди нашего братства призывного возраста, все сто процентов, идут в Красную армию, трусов, маскирующих свой отказ от военной службы ссылкой на Св. Писание, среди наших братьев уже нет». Вместе с тем съезд обратился к сектантам мира «с призывом отказа от службы в армии капиталистов»³⁰.

Оживлённо обсуждалась на III съезде и возникшая ещё в 1924—1925 гг. идея организации «всесоюзного торгово-промышленного, сельско-хозяйственного кооператива»³¹, который охватил бы всё братство. Объединение в него всех молокан характеризовалось в обзоре ОГПУ как стремление «влиться в общую систему советской кооперации»³², тогда как делегаты видели в этом прежде всего шаг к «кооперативному равенству», ожидали возвращения молодёжи из городов в деревню и т.д.³³ Созданный в результате кооператив занимался животноводством, производил молочную и зерновую продукцию. В хозяйствах молокан насчитывалось «около 2 тыс. голов крупного рогатого скота, не менее тысячи лошадей, столько же голов овец», к началу 1930-х гг. в их общинах

²⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. С. 281—282.

²⁷ Оленич Т.С. Религиозное сектантство... С. 31.

²⁸ Вестник духовных христиан-молокан. 1925. № 1—2. С. 34.

²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 181, л. 42 об., 54 об.; д. 182, л. 10; оп. 87, д. 200а, л. 48 об.—49, 123 об.; д. 201, л. 11 об.—12, 55.

³⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 200, л. 42; Вестник духовных христиан-молокан. 1927. № 9. С. 6—7.

³¹ Вестник духовных христиан-молокан. 1925. № 1—2. С. 34.

³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 200, л. 42.

³³ Вестник духовных христиан-молокан. 1926. № 3—4. С. 24.

действовало 22 сыроваренных завода³⁴. По другим данным, только в Сальском округе «к началу 1929 года работало 19 сыроваренных заводов, дававших в год товарной продукции 24 000 пудов сыра от 10—12 000 пудов сливочного масла», при отсутствии задолженностей и наличии исключительно племенного скота («коровы давали до 400 пудов молока в год»³⁵). Но с окончанием нэпа для сектантов, как и всего населения СССР, наступили нелёгкие времена. Попытки влиться «в русло советской экономики»³⁶ не гарантировали желаемой свободы, а финансовая поддержка из Америки, Великобритании, Прибалтики и иных стран лишь усиливала подозрительность власти³⁷.

Перелом в государственной политике наступил с середины 1926 г., после проведения Всесоюзного совещания по антирелигиозной пропаганде³⁸. Тогда же в прессе начались систематические нападки на отдельные сектантские течения³⁹. 22 августа 1927 г. Президиум ВЦИК издал секретный циркуляр № 260/с об ограничении деятельности сектантов в целях «недопущения особых привилегий для сектантских организаций по сравнению с другими вероисповеданиями»⁴⁰. На них были распространены ограничения, установленные ещё в декрете 1918 г.: лишение религиозных объединений прав юридического лица, запрет на просветительскую и миссионерскую деятельность, организацию различных кружков и т.п. Кроме того, циркуляр предписывал в дальнейшем допускать к регистрации лишь те сектантские группы и общины, в уставах которых «будет указано положительное отношение к выполнению всех государственных повинностей и в частности военной службы»⁴¹.

Директива была спешно разослана без дополнительных разъяснений, после чего из административных отделов областных и краевых исполкомов стали поступать запросы о нюансах её применения, а сектантские общины начали жаловаться на требования немедленно дать подписку о признании воинской службы. Переписка НКВД не носила централизованного характера и не снижала остроты ситуации. Лишь 11 февраля 1928 г. последовал циркуляр ВЦИК № 22/с, говоривший о «постепенном и осторожном приведении деятельности сектантских организаций к тем нормам, в рамках которых действуют все прочие религиозные организации»⁴².

Для союза молокан всё это обернулось неоднократными переносами сроков проведения IV съезда: НКВД упорно отклонял поступающие от активистов Союза просьбы о разрешении всесоюзного собрания общин сначала во Владивостоке 25 ноября 1927 г.⁴³, затем во Владикавказе 24—28 февраля 1928 г.⁴⁴ В созыве съезда, намеченного на 25 октября 1928 г., молоканам отказали под

³⁴ Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция... С. 24.

³⁵ ГА РФ, ф. 1235, оп. 140, д. 751, л. 203.

³⁶ Вестник духовных христиан-молокан. 1926. № 3—4. С. 27.

³⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 200, л. 42.

³⁸ Потапова Н.В. Эволюция политики советской власти по отношению к «сектантам» (евангельским христианам и баптистам) в начале 1920-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 129.

³⁹ Антонова Н.В. Из истории секты «Новый Израиль» (первая треть XX века) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 4. С. 140; Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция... С. 25.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 393, оп. 43 а, д. 1577, л. 26.

⁴¹ Там же, л. 26 об.

⁴² Там же, ф. 1235, оп. 140, д. 734, л. 35.

⁴³ Там же, ф. 393, оп. 43а, д. 61, л. 10.

⁴⁴ Там же, л. 12.

тем предлогом, «что со времени последнего Всесоюзного съезда духовных христиан-молокан не истекло трёх лет»⁴⁵. Только 22 июля 1929 г. Секретный отдел ОГПУ сообщил в административно-организационное управление о том, что «возражений против разрешения молоканам съезда в Самаре в сентябре мес[яце] с[его]/г[ода] не имеется», в том числе и «со стороны директивной партийной инстанции» (т.е. Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б)). Ограничивалось лишь число делегатов — допускалось присутствие не более 120 представителей от общин⁴⁶.

В молоканской прессе в преддверие съезда выражалось беспокойство об обеспечении «религиозной чистоты» делегатов, отмечался недостаток финансов, продолжалась идейная борьба с баптистами. Руководство общины не сочло нужным возобновлять споры о военной службе. Окончательная повестка заседаний 25—30 сентября, утверждённая НКВД, звучала лаконично: доклады президиума совета, ревизионной комиссии, выступления местных деятелей о поднятии нравственности молокан, об издании журнала, перевыборы совета, текущие дела⁴⁷. Однако съезд разрешили с единственной целью — осуществить принятое постановление о «временной приостановке действий Центрального исполнительного органа (т[ак] н[азываемого] “Центрального Совета”) духовных христиан молокан»⁴⁸. Молоканский центр решено было временно перенести во Владикавказ, куда передавались все документы и дела. Административное управление НКВД в письме начальнику Северо-Кавказского крайадмуправления «О духовных христианах-молоканах» требовало «усилить наблюдение и надзор за этой религиозной организацией» и немедленно сообщать «о всякой деятельности этой общины, выходящей за пределы ея компетенции»⁴⁹. Спустя три месяца, 30 декабря 1929 г., Секретный отдел ОГПУ коротко уведомил НКВД о том, что «меры к недопущению Владикавказской общины молокан играть роль центра этой секты — нами приняты»⁵⁰.

В конце 1920-х гг. при равном усилении борьбы со всеми религиозными течениями именно сектанты признавались наиболее опасными из-за роста численности общин и, соответственно, влияния в народе. Неудивительно, что в этих условиях съезды молокан в СССР перестали созываться, с 1929 г. прервалось систематическое издание «Вестника духовных христиан-молокан» (в дальнейшем его номера появлялись с большими перерывами в 1935, 1954, 1973 гг.), а «центр тяжести» их духовной жизни был перенесён за рубеж, чему способствовало и усиление эмигрантских настроений в сектантской среде⁵¹.

⁴⁵ Там же, л. 16.

⁴⁶ Там же, л. 21, 26.

⁴⁷ Там же, л. 26.

⁴⁸ Там же, л. 30.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, л. 31.

⁵¹ Там же, ф. 1235, оп. 140, д. 751, л. 202.